

Старуха Лу, недовольная, хотела было возразить, но деревенский староста не дал ей и рта раскрыть, резко взмахнув рукой.

— Кроме того, — продолжил староста, — судя по словам молодого Цзи Жаня, вы, пока его не было, прибрали к рукам все припасы, что он выменял у соседей. Это что за порядки? Человек сам добыл еду, а вы её отнимаете. Неужто хотите с голоду уморить? Пусть с голоду помереть — не крикнуть, но не забывайте: брак-то императорский! Коли случится беда, вашей семье несдобровать.

Слова старосты были справедливы, хоть и с примесью зависти. Брак посмертный, да ещё и с мужчиной-супругом — завидовать нечему, но вот награды-то настоящие, звонкие. Старуха Лу, столько получив, всё скупердяйничает. Да и помогал он Цзи Жаню отчасти потому, что парень приглянулся. Староста людей повидал — а этот, едва в дом мужа попав, не согнулся под гнётом, а сам на ноги вставать стал. Видно, судьбе не покорится. Такие — с характером, с головой, работающие — всегда выплывут. А вот семья Лу с их куриным кругозором ещё пожалеет.

Какими бы мыслями староста ни руководствовался, стариков Лу его слова придавили. Не то чтобы они старосты боялись — императорская власть страшнее. Далеко трон, да кто его знает, как повернётся. Да и сами они понимали: из-за этой свадьбы вся деревня им боком косячит.

Старуха Лу хоть и притихла, глаза её бегали, словно мыши.

Пока она молчала, вперёд выступила Лэн Сянлянь, подперев ладонью поясницу под тяжёлым животом.

— Староста, вам легко говорить, на отшибе стоя! — её глаза-персики кокетливо блеснули. — Дело-то не ваше, вот и трещите, как сорока. Вы ведь деревенский старшина, а не судья подкупной. Свекровь моя — не из тех, кто по пустякам скандалит. Если б он просто поел — да ради бога! Так нет же: трижды звали — отнекивался, в горнице отлёживался, а как все поели да на работу ушли, тут он и вылез, один да пригожим. Дело не в еде, а в нраве — лентяй да обжора! А насчёт зерна... Свёкор вчера ушибся, в годах, поправляться надо. А он, зять, разве не должен о родителях мужа печься? Да, вчерашняя перепалка из-за еды — дело нехорошее, но как говорится: родители всегда правы. Староста, я ведь верно говорю?

Цзи Жань бровь вздёрнул, уже собираясь парировать, но Лу Чжэнь дёрнул его за рукав.

— Пусть забирают, — тихо сказал Лу Чжэнь. — Главное — добиться раздела.

Цзи Жань и не думал, что Лу Чжэнь окажется таким бесхребетным. Не зря в детстве от издевок сбежал. На сердце защемило — и жалость, и злость, — а на лице лишь туча набежала.

— Потом я за тебя этот счёт поквитаюсь, — поспешил успокоить его Лу Чжэнь. — Даром они не уйдут. — И вправду, отпускать эту семейку безнаказанной он не собирался.

Услышав, что Лу Чжэнь вступится, Цзи Жань отступил. Лицо его вдруг стало безразличным.

— Ладно, коли свёкор болен, нуждается в подкреплении — пусть те припасы будут моим подношением. Но одно — отдельно, другое — отдельно. Раздел сегодня же и состоится. Убыток я проглочу, но и вы дорогу укажите. А не то — всё здесь вдребезги разнесу, вам же не достанется!

— Ты... ты посмеешь! — Старуха Лу, подогретая речами Лэн Сянлянь, вновь обрела прыть и,

услышав это, затопала ногами.

— Можете проверить, — без тени эмоций произнёс Цзи Жань, помахивая скалкой. — Буду считать до трёх. Не согласитесь на раздел — начну крушить. Раз... два... три...

Бам!

Цзи Жань не стал медлить. Пока семья Лу молчала, он взмахнул рукой и с грохотом опрокинул стоявшую у двери плетёнку с сушившимся горохом.

— А-а-а! — Старуха Лу взвизгнула, как подрезанная, лицо исказила звериная злоба.

Цзи Жань оставался невозмутим. — Раз... два...

— Делимся! — не дожидаясь «трёх», выкрикнула старуха. Жабя душила её при виде опрокинутой плетёнки, а тут ещё Цзи Жань нацелился на мешок с просом. — Делимся, так делимся! Но ни зёрнышка от меня не получишь! Ты ведь такой самостоятельный — сам и прокормишься! У меня семья большая, ртов много, лишнего нет. Но даже если разделимся — обязанности свои неси! Почитать родителей мужа — долг зятя семьи Лу!

Хм! Значит, решили на нём, как на козле отпущения, всё вывезти?

Но Цзи Жань не дурак.

— Если разделимся — я всё равно член семьи Лу, верно? Если вы должны своих кормить, то и я ваш. Только признавая меня своим, вы можете требовать с меня ухода за вами. А признавать своим, да из дома выгонять нагишом — это уж никакой логике не поддаётся.

— Невестка, ты неправа, — фыркнула Лэн Сянлянь. — Ты, может, и не в курсе, каково наше положение, но глаза-то у тебя есть? В нашей семье ртов много, а еды вечно в обрез. Голод — дело привычное. Посмотри: беременные, женщины, дети... Ты ведь мужчина, не станешь же у них последнее отнимать?

— Спорить с вами — только ум за разум заходить, — отмахнулся Цзи Жань. — Без лишних слов: ухаживать буду, если при разделе получу всё, что положено. Да и детей-внуков у вас много, я не единственный зять-вдовец. Обязанности по уходу поделим по головам, каждому — своя доля. Хотите на мне всю ношу повесить? Не выйдет.

— Ты!..

Видя, как старуха Лу багровеет от злости, Цзи Жань продолжил, гордо вскинув подбородок:

— Можете орать и скандалить, но я не из покладистых. Если сегодня всё не уладим по справедливости — от ухода откажусь. И не думайте, что сплетнями меня прижмёте. На такую удочку я не клюну. Не верите — попробуйте.

Едва он замолчал, старуха Лу с грохотом отшвырнула табурет и плюхнулась на пол, принявшись колотить по земле и дрыгать ногами. Полный набор: вой, рёв, угрозы покончить с собой. Причитала, что семью невзгоды сгубили, что женили на несчастливом... Представление разыгрывала перwokлассное, нимало не смущаясь присутствия старосты.

Как только старуха завелась, Лэн Сянлянь ухватила её за руку и принялась слезу лить. Вроде как уговаривала свекровь не надрываться, но из трёх слов два были уколами в сторону Цзи

Жаня.

Гао Хуэй, обычно в этой семье невидимка, наблюдала за спектаклем из-за спины мужа, глазки её бегали быстро-быстро. Взвесив всё, она выступила вперёд.

— Свекровь, невестка, уймитесь, — сказала она. — По-моему, невестка права. Негоже при разделе человека на улицу выставлять. Мы ведь одна семья, позор на деревню наводить не след. — Она потянула старуху Лу за руку, пытаясь поднять, но та в ярости отвесила ей звонкую пощёчину. На щеке тут же заалела пятерня.

— Ах ты, иуда! Умница нашлась?! Тогда свою долю отдай! Смелая — так и чужой миски не хватай! — Старуха Лу орала так, что брызги слюны летели в Гао Хуэй, та отворачивалась, прикрываясь ладонью. Увидев, как Лу Чанцин оттащил Гао Хуэй и принялся её лупить, приговаривая «разорительница!», старуха с торжествующей жестокостью в глазах вновь ударила в плач:

— Ох, матушки! Погубители! На кой такой жребий выпал?!

<http://bllate.org/book/16271/1464305>